

МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

DOI: 10.24833/0869-0049-2018-3-110-120

Юрий Эдуардович МОНАСТЫРСКИЙ

Севастопольский государственный университет

Университетская ул., д. 33, Севастополь, 299053, Российская Федерация

monastyrsky@mzs.ru

ORCID: 0000-0002-6999-8150

РЕЖИМ ТРЕБОВАНИЙ ОБ УБЫТКАХ В УСЛОВИЯХ РАСШИРЕНИЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ЮРИСДИКЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ВОПРОСЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ЧАСТНОГО ПРАВА

ВВЕДЕНИЕ. Вследствие распространения законодательной, судебной и общей административной юрисдикции Российской Федерации на Крым весной 2014 г. перед отечественными судами возник целый ряд новых вопросов регулирования гражданско-правовых отношений в международной и внутренней области. Кроме того, этот процесс высветил необходимость внесения корректив в подходы, связанные с признанием иностранных государственных правоприменительных актов и принудительным осуществлением иностранных судебных решений. В сфере международного частного права помимо вышесказанного возникла потребность в осмыслении феномена столкновения различных разнонациональных норм не в пространстве, что и составляет центральный предмет данной науки, а во времени.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Материалом для исследования послужили труды российских и зарубежных авторов. В настоящей работе применялись исторический, индуктивный и сравнительный методы исследования.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. В публикации обзорно рассматриваются проблемы

коллизионного регулирования требований об убытках, возникших на территории Крыма до и после его присоединения к Российской Федерации 18 марта 2014 г. Наряду с анализом вопросов компетенции российской судебной власти в свете продолжающих действовать Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам, подписанной 22 января 1993 г. в Минске государствами – участниками СНГ, и Соглашения о порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности, от 20 марта 1992 г. автором формулируются рекомендации по ряду законодательных решений и внесению дополнений в гражданско- и уголовно-правовое регулирование.

ОБСУЖДЕНИЕ И ВЫВОДЫ. Автор приходит к выводу о том, что ввиду прихода новой юрисдикции в Республику Крым исчезает иностранный элемент в отношениях, возникших до этого события, и поэтому необходимо руководствоваться российским правом в отсутствие регламентации об ином. Англосаксонская концепция приобретенных прав

(vested rights) в этом исключительном случае неприменима.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Крым, российская юрисдикция, коллизионное регулирование, дела об убытках

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Монастырский Ю.Э.

2018. Режим требований об убытках в условиях расширения территориальной юрисдикции Российской Федерации и вопросы международного частного права. – *Московский журнал международного права*. № 3. С. 110-120.

DOI: 10.24833 / 0869-0049-2018-3-110-120

INTERNATIONAL PRIVATE LAW

DOI: 10.24833/0869-0049-2018-3-110-120

Yuri E. MONASTYRSKY

Sevastopol State University

33, ul. Universitetskaya, Sevastopol, Russian Federation

monastyrsky@mzs.ru

ORCID: 0000-0002-6999-8150

DAMAGES RECOVERY CLAIMS IN CONDITION OF RUSSIAN FEDERATION JURISDICTION EXTENSION – PRIVATE INTERNATIONAL LAW ISSUES

INTRODUCTION. *The proliferation of legislative, judicial and general administrative jurisdiction to Crimea in the spring of 2014 highlighted a number of new issues in the regulation of civil law relations in the international and local sphere that faced the courts in the Russian Federation, as well as the need to make adjustments to approaches related to the recognition of foreign state law acts and enforcement of foreign judgments. In the field of private international law, in addition to the mentioned, an understanding of the phenomenon of collision of various multi-national norms arose not in space, which is the central subject of this science, but in time.*

MATERIALS AND METHODS. *The works of Russian and foreign authors are the material of the*

article. In this work historical, inductive, and comparative research methods were used.

RESEARCH RESULTS. *This article is on the subject of conflict of law's regulation pertaining to the claims of losses, the right from the Crimea territory before and after its reunification with the Russian Federation on the 18th of March 2014. The author presents recommendations relating to legislative solutions and amendments to civil and criminal law regulation in line with consideration of judicial competence of national courts in the light of Convention on Legal Assistance and Legal Relations in Civil, Family and Criminal Matters, signed on the 22nd January 1993 in Minsk by participants of CIS, as well Agreement on Settlement of Commercial Disputes of 20th of March 1992.*

DISCUSSION AND CONCLUSIONS. *The author concludes that in view of coming the new jurisdiction in annexed Crimea the foreign elements that arose before this event disappear, and therefore it is necessary to be guided by its legal order in the absence of its regulation in question. The Anglo-Saxon concept of vested rights is not applicable in this exceptional case.*

KEYWORDS: *Crimea, Russian jurisdiction, conflict of laws, recovery of losses matters*

FOR CITATION: Monastyrsky Yu.E. Damages Recovery Claims in Condition of Russian Federation Jurisdiction Extension – Private International Law Issues. – *Moscow Journal of International Law*. 2018. No. 3. P. 110-120.

DOI: 10.24833 / 0869-0049-2018-3-110-120

1. Правовые условия распространения юрисдикции Российской Федерации

Осмывая международно-правовые реалии последнего времени, невозможно обойти вниманием приход российской юрисдикции в Крым и связанные с ним правовые изменения и проблемы¹. Произошло уникальное геополитическое событие. Правовая ситуация с образованием в результате войн государств Абхазии, Южной Осетии, Косова, Турецкой Республики Северного Кипра, не признанных всеми государствами – членами ООН, другая.

Неповторимое своеобразие международной обстановки в случае с Крымом проявляется при сравнении с возникновением в 2008 г. на политической карте албанского Косова, соседствующего с Албанией. Оно появилось, как утверждается, ввиду осуществления так называемого права народа на самоопределение по решению верховного органа этой территории. Представляется, что это второстепенное обстоятельство. Главное же заключается в военном отторжении этого анклава вооруженными силами зарубежных стран. Следовательно, образование Косова является итогом войны, внешнего вооруженного нападения, а не территориального спора двух соседей. Не может вызывать одобрение стремление установить в международных отношениях и политике обычай, позволяющий интервенцию и разделение государства на части ради уменьше-

ния жертв, если возникает вооруженный внутренний конфликт.

В Крыму вооруженного катаклизма не было, внешнего нападения в обычном понимании не отмечалось. Там прошло всенародное голосование по вопросу о воссоединении Крыма с Российской Федерацией². Утверждают, что оно шло вразрез с принципом нерушимости государственных границ, но это спорно, так как соседняя страна территорию военным способом не отторгала [Кошкин, Черданцев 2016:275–276; Евдокимов, Тухватуллин 2014:37–42]. А история с Косово, по существу, выглядит просто одиозной.

Многие забыли, что современные мир и порядок в правовом отношении, в первую очередь, опираются на ООН с особой ролью Совета Безопасности. Согласно ч. 1 ст. 24 Устава ООН для обеспечения быстрых и эффективных действий Организации Объединенных Наций ее члены возлагают на Совет Безопасности главную ответственность за поддержание международного мира и безопасности и соглашаются в том, что при исполнении его обязанностей, вытекающих из этой ответственности, Совет Безопасности действует от их имени³. Поэтому возможности постоянных членов Совета Безопасности ООН (Великобритании, Франции, США, России и Китая) шире, чем других государств – членов Организации. В этом смысле не будет преувеличением сказать, что в отношении государства – члена Совета Безопасности ООН ее принудительные

¹ В отечественной и зарубежной доктрине по этому вопросу существует весьма обширная библиография: [Глиман 2018:126–130; Евдокимов, Тухватуллин 2014:37–42; Евсикова 2014:118–122; Кошкин, Черданцев 2016:273–278; Кулебякин, Воронин, Николаев 2015:11–28; Banai 2015:608–630; Burke J., Panina-Burke 2017:29–68; Burke-White 2017; Swicinskaja 2015:69–85; Hilpold 2015:237–270; Issaeva 2015:158–167; Marxsen 2015:13–36; Oklopic 2015:350–364; Pronin 2015:133–142; Tierney 2015:523–541].

² См.: Постановление Верховной Рады Автономной Республики Крым от 6 марта 2014 г. № 1702-6/14 «О проведении общекрымского референдума» (с изменениями и дополнениями). – *Справочная правовая система «Гарант»*.

³ Устав Организации Объединенных Наций. Принят в г. Сан-Франциско 26 июня 1945 г. – *Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами*. Вып. XII. М. 1956. С. 14–47.

действия практически невозможны. Это создает правовую основу территориальных преобразований, происшедших при соблюдении основных принципов международного права, среди которых есть, как уже упоминалось, принцип равноправия и самоопределения народов.

В Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН, 1970 г. подчеркивается: «Создание суверенного и независимого государства, свободное присоединение к независимому государству или объединение с ним, установление любого другого политического статуса, свободно определенного народом, являются формами осуществления этим народом права на самоопределение»⁴. Право на самоопределение сохраняется, если население образовало независимое государство или вошло в состав федеративного государства.

2. Коллизионные и иные проблемы, режим международной правовой помощи

Как ни удивительно на первый взгляд, но наиболее важным в регулировании в связи с вхождением Крыма в состав России представляется режим нормирования международного экономического взаимодействия, подпадающего под международное частное право. Перечислим важные правовые факторы: (1) действие гражданского законодательства Российской Федерации с 18 марта 2014 г.⁵ вместо законодательства Украины; (2) существование юридического механизма признания и принудительного исполнения иностранных судебных решений против резидентов Крыма; (3) допущение последствий различных

юридических действий, в частности сделок, завещаний, выдачи доверенностей, браков и др.; (4) исполнение Конвенции СНГ о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам 1993 г. (далее – Конвенция о правовой помощи 1993 г.)⁶ и Соглашения о порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности 1992 г. (далее – Соглашение 1992 г.)⁷ в части взаимоотношений с Украиной; (5) выборочная национализация в Крыму⁸, а также (6) различные режимы требований о компенсации убытков, понесенных на территории Крыма.

На территории Республики Крым регулярно совершается множество сделок бытового и предпринимательского характера, с признанием правовых последствий которых, на первый взгляд, не должно возникнуть проблем независимо от того, рассматривается ли полуостров в качестве составной части государственной территории России или нет. Согласно ст. 21 Федерального закона от 13 июля 2015 г. № 258-ФЗ «О внесении изменений в статью 222 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и Федеральный закон «О введении в действие Гражданского кодекса Российской Федерации части первой»» (далее – Федеральный закон № 258-ФЗ) договоры, заключенные при Украине, сохраняют юридическую силу. Затеявший спор в вышеназванной стране по этому поводу в национальном суде должен, казалось бы, сослаться на его право, если юридические действия совершались в Крыму, поскольку с позиции украинских судов на территорию последнего по-прежнему распространяется национальное законодательство Украины. Таким образом, феномен Крыма породил в юридическом поле массовое явление так называемых

⁴ См. п. 1 Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций, от 24 октября 1970 г. – *ООН. Резолюция Генеральной Ассамблеи на XXV сессии*. Нью-Йорк. 1970. С. 154.

⁵ Договор между Российской Федерацией и Республикой Крым о принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов был подписан 18 марта 2014 г. – *Сайт Президента России*. Доступ: <http://kremlin.ru/events/president/news/20605> (дата обращения: 20.07.2018). Данный договор вступил в силу 1 апреля 2014 г. и временно применялся с даты подписания. На его основе был принят Федеральный конституционный закон «О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов – Республики Крым и города федерального значения Севастополя» был принят 21 марта 2014 г. Доступ: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_160618/ (дата обращения: 20.07.2018).

⁶ Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 22 января 1993 г. – *Справочная правовая система «КонсультантПлюс»*.

⁷ Соглашение стран СНГ от 20 марта 1992 г. «О порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности». – *Справочная правовая система «КонсультантПлюс»*.

⁸ Закон Республики Крым от 31 июля 2014 г. № 38-ЗРК «Об особенностях регулирования имущественных и земельных отношений на территории Республики Крым». – *Российский газета*. 2014. 5 авг. URL: <https://rg.ru/2014/08/05/krim-zakon38-reg-dok.html> (дата обращения: 20.07.2018).

хромающих отношений [Лунц 1949], т.е. не просто регулируемых по-разному национальными законодательствами и правоприменителями, но и рассматривающих неодинаково юрисдикционную основу важных гражданско-правовых юридических фактов. Различие наиболее явным будет в случае, когда российский и иностранный варианты гражданско-правового регулирования значительно разнятся.

В Российской Федерации завершился очередной этап реформы гражданского законодательства в области наследования⁹. Вводятся в документооборот совместные завещания и наследственные договоры¹⁰. Они помогают лучше распределить, учитывая важные нюансы, оставшееся после смерти лица имущество, укрепить режим долгов наследодателя, предвосхитить споры между преемниками, в частности, если умер завещатель, который имеет пережившего супруга с преобладающими интересами передачи имущества, а не наследника. Сложные коллизии правовых вопросов возникают, когда уходит из жизни владелец бизнеса, имеющий финансовую поддержку, долговременные проекты со значительной, но непрогнозируемой прибылью, определенные отношения с менеджментом, осуществляющим оперативное руководство. Все права и обязанности переходят к вступившему в наследство, а в большинстве случаев это не одно лицо. Наследственный договор позволяет этот процесс регламентировать. Вместе с тем случись в Крыму открытие наследства, которое заключается также в активах на Украине, подписанный договор не будет признаваться вовсе имеющим место, так как данный институт законодательству Украины неизвестен, и все важные вопросы эффекта правопреемства будут решаться только по законам Украины.

Процедура признания последствий сделок, правовых действий, актов органов государственной власти не отличается сложностью в истории международных частных отношений. Обычно страны, даже далекие друг от друга по экономическому уровню, культурному своеобразие, признают все вышеуказанные юридические фак-

ты и свободно допускают их правовые последствия. Исключение составляют лишь судебные решения, которые требуют процедуры принудительного исполнения. Чрезвычайно редко, в исключительных случаях, применяется фильтр под названием «оговорка о публичном порядке» (ст. 1193 ГК РФ), когда правовые последствия принудительного исполнения несовместимы с фундаментальными принципами правовой системы места исполнения. Взыскание алиментов в полигамном браке, ростовщический процент – возможные, но редкие в обыденной жизни требования, примеры ограничения которых есть в международном юридическом общении. Между тем по Конвенции о правовой помощи 1993 г. и Соглашению 1992 г. нельзя не признавать и отказывать в принудительной реализации решений по причине вышеупомянутой оговорки.

Конвенция о правовой помощи 1993 г., не создавая изъятие из принципа невыдачи своих граждан, совершивших преступление (подп. (а) п. 1 ст. 57), установила уникальную процедуру исполнения уголовных приговоров. Если какое-либо, независимо от гражданства, физическое лицо в силу вердикта суда обязано по удовлетворенному гражданско-правовому иску выплатить убытки, национальные органы должны исполнить такой уголовный приговор в части взыскания (п. (б) ст. 51 Конвенции).

В России, кроме области банкротства, применяются правила, не основанные на принципе взаимности, а устанавливающие признание и принудительное исполнение иностранных судебных и арбитражных актов лишь при наличии соответствующего международного договора. Для третейских постановлений и т.д. применяется Нью-Йоркская конвенция о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений 1958 г., в соответствии с которой в ходатайстве может быть отказано в силу оговорки о нарушении публичного порядка¹¹. В остальных действиях органов юстиции регламентируются Конвенцией о правовой помощи 1993 г. В соответствии с ее положениями принудительное исполнение результатов гражданского и

⁹ См.: Федеральный закон от 29 июля 2017 г. № 259-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и третью Гражданского кодекса Российской Федерации» (редакция от 23 мая 2018 г.). – *Собрание законодательства РФ*. 2017. № 31 (ч. I). Ст. 4808; Федеральный закон от 19 июля 2018 г. № 217-ФЗ «О внесении изменений в статью 256 части первой и часть третью Гражданского кодекса Российской Федерации». – *Справочная правовая система «Консультант-Плюс»*.

¹⁰ Федеральный закон от 19 июля 2017 г. «О внесении изменений в статью 256 части первой и часть третью Гражданского кодекса Российской Федерации». – *Справочная правовая система «КонсультантПлюс»*.

¹¹ См.: п. (b) ч. 2 Конвенции о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений (заключена в г. Нью-Йорке в 1958 г.). – *Вестник ВАС РФ*. 1993. № 8.

уголовного процессов в стране должно признаваться во всех государствах – членах СНГ с привлечением всего аппарата исполнительного производства. Исторически братские государства сочли излишним устанавливать общеизвестные ограничения принудительного исполнения на основе оговорки о публичном порядке. Конвенция о правовой помощи 1993 г., как мы полагаем, не будет денонсирована Украиной, поскольку ее учреждения юстиции к этому не готовы. Механизм выхода из Конвенции связан с уведомлением за 12 месяцев до истечения каждого пятилетнего срока. Поскольку этот международный договор вступил в силу 25 мая 1994 г., уведомление о непродлении необходимо было направить на следующий день после этой даты в 2018 г., а этого не произошло.

К вящей справедливости и в соответствии со здравым смыслом Конвенция о правовой помощи 1993 г. содержит ст. 19 универсального преклюзивного содержания об отказе в правовой помощи при угрозе суверенитету. Вместе с тем Соглашение 1992 г. такое положение не содержит. Судебные решения по предпринимательским спорам против юридических лиц из Российской Федерации включают процессуальные и исполнительные процедуры автоматически.

Правовое решение вышеназванных проблем мы видим в том, чтобы согласно Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г. некоторые положения Конвенции о правовой помощи 1993 г. не исполнялись бы российской стороной со ссылкой на оговорку о неизменности обстоятельств (*clausula rebus sic stantibus*), но здесь требуется уведомление со стороны Министерства иностранных дел РФ¹².

Текущее взаимодействие органов юстиции контрпродуктивно, особенно в вопросах выдачи украинских граждан, подозреваемых в совершении преступлений без политической составляющей, в первую очередь против жизни. Пострадавшие родственники вполне могут обращаться в правоохранительные органы Республики Крым, но такой механизм привлечения к ответственности аномальный и неэффективный, так как, например, для этого может понадобиться пересылать доказательства и совершать следственные действия на Украине. Пункт 1

ст. 2 российского УПК гласит: «Производство по уголовному делу на территории Российской Федерации независимо от места совершения преступления ведется в соответствии с настоящим Кодексом...»¹³, но норма п. 3 ст. 12 УК РФ¹⁴ содержит на сей счет, а именно случая бегства гражданина Украины в Крыму, следующую явную коллизию. «Иностранцы граждане... не проживающие постоянно в Российской Федерации... совершившие преступление вне пределов Российской Федерации, подлежат уголовной ответственности по настоящему Кодексу в случаях, если преступление направлено против интересов Российской Федерации либо гражданина Российской Федерации...». Получается, что убийство не политического характера на территории Украины, совершенное ее гражданином, не создает юридического основания для уголовного преследования сбежавшего в Российскую Федерацию подозреваемого. В отсутствие запроса к Российской Федерации из Крыма его не выдадут, такой механизм взаимодействия предусмотрен Конвенцией о правовой помощи 1993 г. для иностранцев, совершивших преступление. Вместе с тем, как сообщают представители Минюста России, некоторые лица обращаются в Москву со словами об оккупированной территории. Такой документооборот наглядно попадает под действие ст. 19 Конвенции о правовой помощи 1993 г., так как он нарушает суверенитет и основан на подрыве территориальной целостности Российской Федерации. Полагаем целесообразным внести поправки в российский УК о том, что за преступление любых иностранцев не на территории Российской Федерации нужно и можно привлекать к ответственности в Российской Федерации, тем более что за военные преступления на территории других государств Следственный комитет России дела возбуждает и расследует. Например, такие расследования ведутся против участников украинских батальонов и т.д., так что указанные законодательные изменения назрели. Преступники, переехавшие в Крым, таким образом, должны подвергаться уголовному преследованию при содействии потерпевших.

¹² См. ст. 62 Венской конвенции о праве международных договоров (заключена в Вене 23 мая 1969 г.). – *Ведомости Верховного Совета СССР*. 1986. № 37. Ст. 772.

¹³ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ. – *Собрание законодательства РФ*. 2001. № 52 (ч. 1). Ст. 4921.

¹⁴ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ. – *Собрание законодательства РФ*. 1996. № 25. Ст. 2954.

3. Юридический режим требований об убытках и возмещении вреда

Особого внимания заслуживают требования о взыскании убытков от деятельности в Крыму до 18 марта 2014 г. Отметим, что они могут квалифицироваться по следующим разрядам: связанные с неисполнением договоров, причинением вреда, несоблюдением других обязательств, иски из неосновательного обогащения, односторонних сделок. Кроме того, ущерб и упущенная выгода могут также компенсироваться при нарушении абсолютных прав, например собственника, владельца, или при нарушении патентуемых имущественных благ. Наиболее массовый разряд дел об убытках проистекает из субсидиарной и корпоративной ответственности контролирующих лиц. Претензии об ущербе могут быть заявлены в результате проведенного процесса, например, при принятии судом обеспечительных мер и проигрыше заявителем дела.

Конвенция о правовой помощи 1993 г. содержит положения о компетенции национальных судов, основной критерий здесь – место жительства ответчика, а для организации – местонахождение органов управления (п. 1 ст. 20). Отсюда следует неизбежность обращений в территориальные суды Украины в ряде случаев, даже если причинение убытков, в отличие от виновного внедоговорного ущерба и, как мы полагаем, иногда договорной ответственности, произошло в Крыму. Например, если возмещается вред, вытекающий из правомерных действий (п. 1 ст. 42 Конвенции), Соглашение 1992 г. допускает любой деликтный или договорный спор рассматривать по месту совершения правоустанавливающих действий (п. (в) и (г) ст. 4).

Ответчики, поменявшие свою локацию, получают спонтанно сложившийся частичный иммунитет от преследования посредством судов. Судебные органы Украины будут рассматривать споры как внутренние, вместе с тем данные о причинении вреда должны будут поступать с территории, с которой отсутствует правовая связь и любые юридические контакты. В ряде обстоятельств доказывание будет затруднено.

Ответчики, которые остались в Крыму, должны будут участвовать в процессах против российских истцов в местных судах. Мы полагаем, что на эти споры не должна распространяться Конвенция о правовой помощи 1993 г.: они не будут международными по причине нахождения сторон в момент подачи иска в одном и том же

государстве. Конвенция 1993 г., как и Соглашение 1992 г., предусматривает в отношении дел, на которые она распространяет свое действие, также заявление иска к украинским субъектам по месту предполагаемого или состоявшегося исполнения договора (п. (б) ч. 2 ст. 20 Конвенции о правовой помощи, п. (в) ст. 4 Соглашения). Это позволяет подавать заявления об убытках, понесенных вследствие неисполнения, в суды Крыма, вместе с тем такие решения, очевидно, не могут быть исполнены на Украине, так как последняя не признает вообще российскую юрисдикцию в Крыму.

Назревшим видится издание законодательного акта о том, что крымские суды должны по всем делам, включая дела об убытках, если спор не является международным, применять российское право. Пока законодательные поправки, например п. 2 ст. 21 Федерального закона № 258 о регулировании лишь прав и обязанностей из односторонних сделок нашим правом, являются противоречивыми и фрагментарными. Еще менее продуктивным выглядит п. 1 той же статьи о неизменности условий договоров до вхождения Крыма в состав Российской Федерации. Такая формула подразумевает применимое украинское право, а это не является лучшим решением. Представляется весьма важным создавать оптимальное регламентирующее правовое поле.

Пункт 1 ст. 42 Конвенции о правовой помощи 1993 г. императивно устанавливает, что «обязательства о возмещении вреда, кроме вытекающих из договоров и других правомерных действий, определяются по законодательству Договаривающейся Стороны, на территории которой имело место действие или иное обстоятельство, послужившее основанием для требования о возмещении вреда». Тривиальное происшествие с материальным ущербом для потерпевшего будет при подаче иска на Украине рассматриваться по *lex fori*, так как Крым полагают украинской территорией.

Вместе с тем, если требование даже вследствие происшедшего до 18 марта 2014 г. без учета исковой давности будет заявлено в Крыму, то, на наш взгляд, необходимо применять российское право, хотя юридическая логика такова, что возникшее обязательство о возмещении вреда из случившегося до 18 марта 2014 г. в момент причинения подпадало под украинское законодательство, следовательно, субъективное гражданское право, фигурально выражаясь, приобрело нероссийскую национальность. В этом

состоит постулат англо-саксонской доктрины *vested rights*: «права, приобретенные действием одной правовой системы, должны признаваться и получать защиту другой правовой системы» [Carswell 1959:268–269]. Несмотря на вышесказанное, мы склонны считать, что с 18 марта 2014 г. ввиду прихода одной и прекращения действия другой юрисдикции произошла смена правового регулирования продолжающихся отношений, поэтому претензии по возмещению вреда нужно оценивать с точки зрения российского права.

В п. 3 ст. 42 Конвенции о правовой помощи 1993 г. и п. 2 ст. 4 Соглашения 1992 г. есть важное указание о том, что пострадавшие вправе обращаться в юрисдикционные органы по месту вредоносного обстоятельства независимо от того, где возникло имущественное претерпевание. Обращает также на себя внимание особенная юридическая техника ст. 42 Конвенции, в которой говорится лишь о режиме требований из возмещения вреда. Вместе с тем при деликте первоначально возникает так называемое обязательство вследствие причинения вреда, заключающееся в исправлении, ремонте либо замене вещей, и далее суд может согласно ст. 1082 ГК РФ обратиться к возмещению убытков, куда входит упущенная выгода, сославшись на ст. 15 Кодекса. Формула возмещения вреда создает двусмысленность и вызывает вопросы о том, входят ли сюда неполученные доходы и, если заявляется требование об исправлении вещей, их ремонте и о замене, является ли это так называемой претензией о возмещении вреда. Если нет, то иск украинского субъекта в Крыму к домицилированному там лицу должен рассматриваться в силу российской коллизионной нормы по праву Российской Федерации (п. 1 ст. 1219 ГК РФ) либо по нормам Украины в случаях, когда предвидимый вред возник на территории этой страны. В противоположном случае, если предъявляется претензия о возмещении вреда, применению подлежит только российское законодательство, так как п. 1 ст. 42 Конвенции говорит о стране, на территории которой возник ущерб. Но если вредоносное происшествие случилось до 18 марта 2014 г., то в соответствии с буквальным смыслом норм Конвенции применимым будет украинское право.

Статья 42 Конвенции о правовой помощи 1993 г. содержит привязку к материальному праву места причинения вреда, и тут же в статье приводятся два исключения из сферы ее действия: если вред происходит из договоров либо из правомерных действий. Возникает главный

вопрос: как происходит взыскание убытков по неисполненному, но действующему договору, а также если последний расторгнут? Какое законодательство подлежит применению – места подписания документа или же места причинения ущерба и упущенной выгоды? Ответ здесь не вызывает сомнений в случае, если права и обязанности должны определяться по *lex loci contractus* (ст. 21 Конвенции). Может ли российский истец для наложения договорной ответственности на украинского контрагента обращаться в юрисдикционные органы в Крыму или же в соответствии с регулированием это должен быть суд по месту жительства ответчика? Ответ на этот вопрос содержится в ст. 1 Конвенции, которая применяется к лицам различной государственной принадлежности. При этом большое значение приобретают п. 2 и 3 ст. 1195 ГК РФ о том, что в случае двойного гражданства приоритет отдается российскому закону, а для проживающих в Российской Федерации иностранцев личным законом является российский закон. Отсюда вывод: к крымчанам-ответчикам, гражданам Российской Федерации, физическим лицам без гражданства может применяться только российское законодательство, но никак не положения Конвенции.

Иная ситуация с гражданами Украины, проживающими в Крыму. Это создает следующую логику места претензий из причинения вреда: если виновники находятся в Крыму или если вредоносное действие имело место на полуострове, то можно заявлять иски там же. Истцами могут быть при этом любые лица. К иностранным гражданам их соотечественники всегда будут основывать претензии на своем праве независимо от того, где они проживают и в каком месте возник вред. То есть жители Крыма, имеющие украинское гражданство, должны будут разрешать споры между собой на основе украинского права, хотя они имеют российский личный закон, поскольку Конвенция, имеющая преимущество, недвусмысленно установила такой порядок, определив в этом важном вопросе приоритет гражданства (п. 2 ст. 42 Конвенции). В этом заключается одна из аномалий применения Конвенции после присоединения Крыма. Этот международный договор применяется в отношениях между иностранными гражданами, поскольку в таких спорах, несомненно, присутствует международный элемент.

Вред из правомерных действий, в силу ст. 42 Конвенции, необходимо взыскивать по месту на-

хождения ответчика, при этом она ничего не говорит о применимом праве. Крымскому суду, если претензия исходит от украинского лица, следует руководствоваться в этом смысле разд. VI ГК РФ, а именно ст. 1219 и 1220, согласно которым применяется законодательство места причинения либо предвидимого наступления вреда.

Если дела о возмещении, например, упущенной выгоды инициируются в Крыму по причине неисполнения договоров, заключенных во время действия Гражданского кодекса Украины, т.е. до 18 марта 2014 г., когда соответствующий иск подается украинским лицом, то, на первый взгляд, применимой будет Конвенция о правовой помощи 1993 г. и ее коллизионная норма о праве места совершения сделки (ст. 41). Более интересной представляется диспозиция, если заявителем требования выступает российский субъект, а ответчиком будет житель Крыма – россиянин либо находящаяся в Крыму, перерегистрированная в соответствии с законом Российской Федерации компания. Полагаем, что в этом случае Конвенция применяться не должна, поскольку отсутствует так называемый иностранный элемент и речь идет о внутреннем споре.

Вместе с тем мы склонны считать, что никем пока серьезно не исследовался вопрос и временного, и территориального действия правопорядка. В этом смысле, например, договорные вопросы ответственности, в первую очередь возмещение убытков из соглашений, подписанных до 18 марта 2014 г., могут возникнуть позднее этой даты и проявиться в сфере действия российского гражданского права – нового законодательства места совершения сделки. Неудачными представляются формулировки Федерального закона № 258 (п. 2 ст. 21).

Само собой разумеется, что такого рода споры лучше всего предвосхитить официальными разъяснениями высшей судебной инстанции или особым законодательным актом, разъясняющим вопросы правоприменения. Если ответчиком выступает российское физическое лицо без статуса предпринимателя, причинившее вред либо неисполнившее договор, то возникает со-

ображение о применении положений не только Конвенции, но и разд. VI ГК РФ, регламентирующего отношения с иностранным элементом. Но можно ли, например, назвать таковыми отношения, регулируемые иностранным правопорядком в прошлом? Это зависит от правового подхода, который будут применять в конечном счете суды. Обычно данный процесс занимает немало времени, поэтому проблемы необходимо решать законопроектом и поправками в действующее законодательство.

Исковая давность, которая составляет по российскому праву три года, бесспорно уменьшит количество дел, когда суд должен учитывать фактор действия украинского законодательства, например, причинение вреда до 18 марта 2014 г. может отсекается вышеназванным сроком. Вместе с тем жизненные ситуации различны, исковая давность может прерываться либо приостанавливаться по действующему гражданскому праву, а знание о нарушении права по договору может возникнуть по прошествии многих лет.

5. Заключение

Выше были изложены лишь некоторые, самые важные правовые последствия вхождения Крыма в состав Российской Федерации в 2014 г. Они должны быть урегулированы таким естественным способом, как внесение различных дополнений в гражданское законодательство Российской Федерации. Изложение осуществлялось с точки зрения российского правопорядка, ожидаемых мнений судов Российской Федерации и отечественной правовой доктрины. Украинские источники намеренно не анализировались, поскольку диаметрально противоположная позиция украинских исследователей о принадлежности полуострова не позволяет проводить конструктивный и плодотворный сравнительный анализ.

Особое внимание в работе уделяется претензиям об убытках, посредством которых задействуется наиболее универсальный инструмент правовой защиты.

Список литературы

1. Гликман О.В. 2018. Международно-правовые аспекты отношений России и Украины. – *Евразийский юридический журнал*. №3 (118). С. 126–130.
2. Евдокимов В.Б., Тухватуллин Т.А. 2014. Принятие Республики Крым и города Севастополя в состав Рос-

сийской Федерации. – *Государственная власть и местное самоуправление*. № 5. С. 37–42.

3. Евсикова Е.В. 2017. Административная ответственность по законодательству Республики Крым: доктринальный и прикладной аспекты. – *Вестник Краснодарского университета МВД России*. № 2. С. 118–122.

4. Кошкин А.П., Черданцев В.В. 2016. Право на самоопределение в политических коллизиях современности: Крым и Косово. – *Вестник экономики, права и социологии*. № 2. С. 273–278.
5. Кулебякин В.Н., Воронин Е.Р., Николаев А.В. 2015. Государственный переворот в Киеве в феврале 2014 г.: международно-правовые оценки и последствия. – *Московский журнал международного права*. № 1 (97). С. 11–28.
6. Лунц Л.А. 1949. *Международное частное право*. М.: Юридическое издательство Министерства юстиции СССР. 386 с.
7. Banai A. 2015. Territorial Conflict and Territorial Rights: The Crimean Question Reconsidered. – *German Law Journal*. Vol. 16. No. 3. P. 608–630.
8. Burke J., Panina-Burke S. 2017. The Reunification of Crimea and the City of Sevastopol with the Russian Federation. – *Russian Law Journal*. Vol. V. Issue 3. P. 29–68. DOI: 10.17589/2309-8678-2017-5-3-29-68
9. Burke-White W.W. 2014. Crimea and the International Legal Order. – *Faculty Scholarship Paper*. No. 1360. 17 p. URL: https://scholarship.law.upenn.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=2360&context=faculty_scholarship (accessed date: 18.08.2018).
10. Carswell R.D. 1959. The Doctrine of Vested Rights in Private International Law. – *International and Comparative Law Quarterly*. Vol. 8. No. 2. P. 268–288.
11. Cwicinskaja N. 2015. The Case of the City of Sevastopol: Domestic and International Law. – *Russian Law Journal*. Vol. V. Issue 3. P. 69–85. DOI: 10.17589/2309-8678-2017-5-3-69-85
12. Hilpold P. 2015. Ukraine, Crimea and New International Law: Balancing International Law with Arguments Drawn from History. – *Chinese Journal of International Law*. Vol. 14. Issue 2. P. 237–270. DOI: <https://doi.org/10.1093/chinesejil/jmv011>
13. Issaeva M. 2015. The Case of Crimea in the Light of International Law: Its Nature and Implications. Conference review notes. – *Russian Law Journal*. Vol. 3. Issue 3. P. 158–167. DOI: 10.17589/2309-8678-2015-3-3-158-167
14. Marxsen C. 2016. The Crimea Crisis from an International Law Perspective. – *Kyiv-Mohyla Law and Politics Journal*. No. 2. P. 13–36. DOI: <https://doi.org/10.18523/kmlpj88177.2016-2.13-36>
15. Oklopic Z. 2015. Introduction: The Crisis in Ukraine between the Law, Power, and Principle. – *German Law Journal*. No. 3. P. 350–364.
16. Pronin A. 2015. Republic of Crimea – a Two-day State. – *Russian Law Journal*. Vol. III. Issue 1. P. 133–142. DOI: 10.17589/2309-8678-2015-3-1-133-142
17. Tierney S. 2015. Sovereignty and Crimea: How Referendum Democracy Complicates Constituent Power in Multinational Societies. – *German Law Journal*. No. 3. P. 523–541.
3. Burke-White W.W. Crimea and the International Legal Order. – *Faculty Scholarship Paper*. 2014. No. 1360. 17 p. URL: https://scholarship.law.upenn.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=2360&context=faculty_scholarship (accessed date: 18.08.2018).
4. Carswell R.D. The Doctrine of Vested Rights in Private International Law. – *International and Comparative Law Quarterly*. 1959. Vol. 8. No. 2. P. 268–288.
5. Cwicinskaja N. The Case of the City of Sevastopol: Domestic and International Law. – *Russian Law Journal*. 2015. Vol. V. Issue 3. P. 69–85. DOI: 10.17589/2309-8678-2017-5-3-69-85
6. Evdokimov V.B., Tukhvatullin T.A. Prinyatie Respubliki Krym i goroda Sevastopolya v sostav Rossiiskoi Federatsii [The Incorporation of Crimea and the City of Sevastopol into the Russian Federation]. – *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie*. 2014. No. 5. P. 37–42. (In Russ.)
7. Evsikova E.V. Administrativnaya otvetstvennost' po zakonodatel'stvu Respubliki Krym: doktrinal'nyi i prikladnoi aspekty [Administrative Responsibility under the Legislation of the Republic of Crimea: doctrine and applied aspects]. – *Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii*. 2017. No. 2. P. 118–122. (In Russ.)
8. Glikman O.V. Mezhdunarodno-pravovye aspekty otnoshenii Rossii i Ukrainy [International Legal Aspects of Relations between Russia and Ukraine]. – *Evraziiskii yuridicheskii zhurnal*. 2018. No. 3 (118). P. 126-130. (In Russ.)
9. Hilpold P. Ukraine, Crimea and New International Law: Balancing International Law with Arguments Drawn from History. – *Chinese Journal of International Law*. 2015. Vol. 14. Issue 2. P. 237–270. DOI: <https://doi.org/10.1093/chinesejil/jmv011>
10. Issaeva M. The Case of Crimea in the Light of International Law: Its Nature and Implications. Conference review notes. – *Russian Law Journal*. 2015. Vol. 3. Issue 3. P. 158–167. DOI: 10.17589/2309-8678-2015-3-3-158-167
11. Koshkin A.P., Cherdantsev V.V. Pravo na samoopredele-nie v politicheskikh kolliziyakh sovremennosti: Krym i Kosovo [Right to Self-Determination in Modern Political Collisions: Crimea and Kosovo]. – *Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii*. 2016. No. 2. P. 273–278. (In Russ.)
12. Kulebyakin V.N., Voronin E.R., Nikolaev A.V. Gosudarstvennyi perevorot v Kieve v fevrale 2014 g.: mezhdunarodno-pravovye otsenki i posledstviya [The Coup d'état in Kiev in February 2014: International Law Context and Consequences]. – *Moskovskii zhurnal mezhdunarodnogo prava*. 2015. № 1 (97). P. 11–28. (In Russ.)
13. Lunts L.A. *Mezhdunarodnoe chastnoe pravo* [Private International Law]. Moscow: Yuridicheskoe izdatel'stvo Ministerstva yustitsii SSSR Publ. 1949. 386 p. (In Russ.)
14. Marxsen C. The Crimea Crisis from an International Law Perspective. – *Kyiv-Mohyla Law and Politics Journal*. 2015. No. 2. P. 13–36. DOI: <https://doi.org/10.18523/kmlpj88177.2016-2.13-36>
15. Oklopic Z. Introduction: The Crisis in Ukraine between the Law, Power, and Principle. – *German Law Journal*. 2015. No. 3. P. 350–364.
16. Pronin A. Republic of Crimea – a Two-day State. – *Russian Law Journal*. 2015. Vol. III. Issue 1. P. 133–142. DOI: 10.17589/2309-8678-2015-3-1-133-142
17. Tierney S. Sovereignty and Crimea: How Referendum Democracy Complicates Constituent Power in Multinational Societies. – *German Law Journal*. 2015. No. 3. P. 523–541.

References

Информация об авторе**Юрий Эдуардович Монастырский,**

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса, Севастопольский государственный университет

299053, Российская Федерация, Севастополь, Университетская ул., д. 33

monastyrsky@mzs.ru
ORCID: 0000-0002-6999-8150

About the Author**Yuri E. Monastyrsky,**

Cand. Sci. (Law), Associate Professor at Department of Civil Law and the Process, Sevastopol State University

33, ul. Universitetskaya, Sevastopol, Russian Federation

monastyrsky@mzs.ru
ORCID: 0000-0002-6999-8150